

И.В. Костерина

КОНСТРУКТЫ И ПРАКТИКИ МАСКУЛИННОСТИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ: ГАБИТУС «НОРМАЛЬНЫХ ПАЦАНОВ»

В центре внимания статьи — молодые мужчины, вовлеченные в практики силового предпринимательства, входящие в дворовые и «подъездные» компании, группировки, или же вне институциональной принадлежности следующие образу жизни и разделяющие ценностные установки «нормальных пацанов». Использование конструкта «нормальный пацан» — это своего рода коллективный договор, позволяющий регулировать представления и проявления маскулинности в определенной среде. В статье рассматриваются различные транскрипции этого конструкта: начиная от понимания под ним активного члена группировки заканчивая использованием этого словосочетания в отношении «добропорядочных» мужчин.

Ключевые слова: продвинутые и нормальные стили жизни, субкультура, молодежь, габитус, маскулинность, молодежные группировки.

Key words: advanced and “normal” life style, subculture, youth, habitus, masculine, youth groupings, antisocial marginal group.

Молодость, несмотря на множество преимуществ, является периодом уязвимости. Переход от детства к взрослости связан с обрядами, ритуалами, инициациями перехода. Для юношей этот период имеет особое значение, и может быть выражен во фразе: мужчиной не рождаются, а становятся. Молодость — период, когда постоянно приходится доказывать, демонстрировать свою маскулинность, ибо в это время еще непонятен статус человека, его достижения (нет других привычных маркеров статуса типа работы, денег, машины, власти) и маскулинность часто оказывается единственным доступным ресурсом.

Согласно определению Шерон Берд, маскулинность — *социально-сконструированные ожидания*, касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующего мужчинам, представленные в определенной культуре и субкультуре в определенное время (Берд 2006: 6).

Большое значение для маскулинности имеет желание обрести независимость. По словам Х. Ганетца (Ganetz 1994), быть молодым — это быть бес сильным, наблюдать, как твоя жизнь постоянно контролируется другими силами, а не тобой. И это не только родители, другие институты — школа, досуговые организации, экономические структуры, рыночная экономика и государство — также вторгаются в жизнь молодых.

Поэтому молодые часто ищут «укрытия» и поддержки в рамках групп сверстников, где они стремятся избежать давления силовых институтов. Но оказывается, что и здесь им приходится действовать в рамках иерархизированной и сложно организованной системы кодов и практик. Как пишет М. Киммел, маскулинность — это гомосоциальная установка. Мужчины испытывают себя, изображая героические подвиги, идя порой на большой риск, а все потому, что хотят, чтобы другие мужчины «даровали» им их мужественность. Одобрение другими мужчинами как «доказательство себя» — финальная и возможно самая важная часть процесса гендерного конструирования. Это создает иерархию в структуре группы. Индивидуальная оценка собственной маскулинности не имеет значения без публичного подкрепления и признания. Поэтому маскулинность — своего рода драматическое предприятие, в котором соревновательность является одним из главных элементов. Отсюда появляется потребность и желание быть «самым-самым» (самым безбашенным, самоубийственным, дерзким и т.д.). В мужских группах таким образом создаются особые условия для конструирования маскулинности особого типа.

«Нормальные» и «продвинутые» молодежные стили жизни

Особенностью современной молодежной культуры считается мультистилизм, что выражается в свободном выборе идентичностей и поиске новых правил поведения и самовыражения. В ситуации, когда пространство молодежной культуры становится словно испещренным следами «глобализации», как говорил О. Уайльд, «единственным прибежищем остается стиль». Стилевые коды объединяют приверженцев той или иной идеи, направления, музыкальной группы или обладателей определенного дресс-кода, игнорируя пространственные, возрастные и другие барьеры. При этом пространственные границы не всегда связаны со стилевыми, и разные по идеологическим установкам и культурным предпочтениям группы молодежи одного города могут категорически не принимать и не понимать друг друга. В то же время молодежь столиц заметно отличается от молодежи российской глубинки, хотя бы в том, что касается выбора стиля жизни. И взгляд на молодежную культуру зависит от специфики экономической и культурной развитости региона, а иногда даже от района города, о котором идет речь.

Если мы имеем в виду столичную молодежь, то здесь на уровне визуальных кодов мы можем обнаружить несколько десятков различных молодежных культурных движений, каждое из которых будет претендовать на уникальность и стремится дистанцироваться и отмежеваться от остальных. Если же мы говорим о молодежи провинциальных городов, то все многообразие здесь часто сводится к двум собирательным названиям — «нормальные» и неформалы. Последнее название объединяет панков, рокеров, репперов и даже скинов*. И те, и другие считают себя антагонистами друг друга, но при этом каждое образование представляет собой не отдельную культуру в чистом виде, а некий усредненный компиляционный вариант того, что в их представлении значит быть «нормальным» или неформальным. Говоря о стилевой дифференциации молодых, Х. Пилкингтон выделяет «нормальную» (мейнстримовскую) и «продвинутую» (субкультурную) стратегию молодежной активности (Пилкингтон 2004). «Нормальная» в данном случае означает обыкновенную, ничем не выделяющуюся стратегию, которая является преобладающей (численно и культурно) в российской глубинке, где представители «продвинутой» стратегии рассматриваются большинством скорее как маргиналы.

Кроме того, маркирование каждой культурной группы происходит в зависимости от позиции говорящего: сами представители отдельных субкультур склонны разграничивать разные направления и при самоидентификации пользуются более узковидовым названием (например, «панки», «готы» и т.д.), в то время как «гопники» склонны делить всю молодежь на «нормальных» (принадлежащих к их социальной среде — выглядящих, думающих, говорящих и ведущих себя подобно им) и «ниферов» (неформалов, т.е. отрицающих общепринятую норму и выдвигающую ей взамен другую). Именно в их прочтении «ниферы» являются некой единой массой «других», не соответствующих критерию «нормальности». Важно, что в данном случае слово «нормальный» будет иметь оценочный оттенок и, следуя контек-

* Важным замечанием к описанию современного состояния молодежных субкультур будет тезис представителей Бирмингемской школы (к которому сейчас присоединяются практически все исследователи молодежи) о том, что субкультуры — явление исключительно мужское. Это выражается в том, что мужчины выступают в качестве идеологических лидеров группы, диктуют правила поведения, формируют иерархическую структуру, обладают наибольшим (или редким) информационным багажом, они регулируют отношения внутри группы, и — что немаловажно — именно они должны маркировать свою субкультурную принадлежность при помощи различных визуальных и невербальных кодов — особой одежды, прически, аксессуаров и т.д. При этом девушки этой же группы могут ничем не отличаться от всех остальных девушек: так, девушка-реппер (что само по себе встречается крайне редко) не обязана одеваться, как реппер, а юноша всячески будет стремиться демонстрировать свое культурное отличие. Еще одним убедительным аргументом в защиту этого тезиса будет количественное преимущество мужчин в субкультурных группах. Таким образом, давая характеристику какой-то субкультуры, мы описываем ее как мужское сообщество, в то время как девушки, физически присутствуя в нем, остаются, по выражению А. МакРобби, «существующими, но невидимыми».

сту информантов, именно в таком значении оно будет использоваться мною в статье.

Если изучению различных молодежных субкультур было уделено достаточно внимания, то «нормальные» редко попадали в поле зрения социологов — прежде всего потому, что однозначно определить критерии «нормальности» не представляется возможным. В то же время конструкт «нормальности» является ключевым для нашего исследования, т.к. он, будучи заимствован из лексики самих информантов, как нельзя лучше отражает главную ценность и главное правило поведения, декларируемое и разделяемое молодежным мейнстримом — быть «нормальным», соответствовать конвенциональной усредненной норме большинства. Поэтому равнение на эталон «нормальности большинства» является важной точкой отсчета для самоидентификации и стилевого самоопределения.

Теоретические и методологические рамки

Основной теоретической рамкой для исследования являются теории социального конструирования маскулинности, и в частности подход Р. Коннелла.

Так, с точки зрения социального конструктивизма, маскулинность и феминность становятся главными характеристиками индивида, культурными конвенциональными изображениями того, что мы думаем в отношении нашего пола, которые используются в процессе разыгрывания спектакля жизни и поддерживают существующую социальную иерархию власти (Коннелл 2002). И маскулинность ярче всего проявляется в различных формах власти, которые утверждаются мужчинами, это может быть установление контроля над женщинами, над другими мужчинами, над своими собственными телами, над технологиями.

В своей книге «Маскулинности» Р. Коннелл предлагает определять маскулинность как многообразный конструкт и рассматривать четыре модели маскулинностей: «гегемонные», «субординированные», «компромиссные» (комплицитные) и «маргинальные» (Connell 1995). Под *гегемонной маскулинностью* Коннелл понимает «конфигурацию гендерной практики, которая воплощает приемлемый в настоящий момент ответ на вопрос о легитимности патриархата, который гарантирует (или считается, что гарантирует) доминирующее положение мужчин и подчинение женщин» (Connell 1995: 75). Таким образом, гегемонная, т.е. культурно господствующая в данной среде маскулинность, характеризует мужчин, стоящих на вершине гендерной иерархии. Хотя ее признаки обычно приписывают конкретным индивидам, являются коллективными, создаются и поддерживаются определенными социальными институтами.

Другой важной теоретической посылкой моего исследования являются концепты «гендерный дисплей» (Goffman 1976) и «гендерный перформанс» (Butler 1990). Следуя логике Гоффмана, маскулинность не существует как заданность, она создается и воссоздается всякий раз при социальном вза-

имодействия. В связи с этим уместно упомянуть о понятии перформативного гендера, введенного Дж. Батлер (1990).

Методологические и теоретические рамки исследования

В текстах интервью информантов, с которыми я работала в рамках одного исследовательского проекта, часто встречался нарратив о разделении юношей на «нормальных пацанов» и «лохов». В то же время представление о «нормальном» пацане долго оставалось для меня чистой абстракцией — этот конструкт не пояснялся информантами, а употреблялся как априорная категория. Поэтому я предприняла попытку исследования для уточнения этого конструкта, а также изучения габитуса этих самых «нормальных пацанов».

Объектом исследования стали молодые мужчины, вовлеченные в практики силового предпринимательства*, входящие в дворовые и «подъездные» компании, группировки или же вне институциональной принадлежности следующие образу жизни и разделяющие ценностные установки «нормальных пацанов». Для обозначения предмета исследования я использовала понятие «габитус».

Габитус — термин, который получил широкое распространение благодаря П. Бурдьё, который понимал под ним совокупность предрасположений поступать, думать, оценивать, чувствовать определенным образом (Бурдьё 2001). В данном случае я не буду подробно останавливаться на транскрипции этого термина, а использую его как вспомогательную или описательную категорию. Габитус — это телесная память, соединяющая опыт с действием, это воплощенный в поведении, речи, походке, вкусах человека социальный и культурный опыт (его собственный, его класса, семьи, среды и т.д.). В моей работе будет уместно рассматривать габитус из гендерной перспективы.

П. Бурдьё уделяет особое внимание тому, что он называет мужским габитусом: «Противопоставление мужского женскому воплощается в манере вести себя, держать свое тело, в поведении, а именно: в оппозиции между прямым и наклонным, между твердостью, прямоотой, честностью (смотрящего прямо в глаза и дающего отпор, смотрящего или бьющего прямо в цель), с одной стороны, а, с другой — сдержанностью, скрытостью, гибкостью» (цит. по: Брандес 2006). Для нас это уточнение будет весьма существенным, т.к. конструкция «нормальный пацан» апеллирует к нормам и практикам маскулинности и не может быть рассмотрена вне гендерной теории.

Методологию исследования составили глубинные лейтмотивные интервью, неформальные беседы с информантами, а также личное наблюдение молодежных компаний.

На примере интервью можно обнаружить интерпретации «нормальности» и того, что значит быть «нормальным пацаном», которые предлагают

* Термин заимствован из книги В. Волкова «Силовое предпринимательство» (Волков 2002).

сами информанты*. Хотя интервью были взяты у различных по стилевым самоотнесениям групп («обыкновенный», «гопник», «бывший скин, а теперь гот»), конструкты «нормальности» и представления о мужественности в них оказались очень похожими. Это в первую очередь касается практик, связанных с телом и телесностью как проявлением «мужественности». Практики, связанные с внешним выражением габитуса (походкой, манерой держаться, речью, одеждой и прической), фиксировались мной как во время бесед с информантами, так и в ходе наблюдений за юношами на улицах города.

Важно отметить, что термин «нормальный пацан» стал универсальной стилевой характеристикой для обозначения сходных мировоззренческих и поведенческих установок, разделяемых юношами — «типичными» представителями «обычной» стилевой стратегии. Поэтому описание того, что такое «нормальный пацан», возможно через групповой, коллективный, а не индивидуальный габитус. Для подтверждения этой мысли сошлюсь на И.С. Кона, который вслед за Л. Тайгером, автором книги «Мужчины в группах», полагает, что для большинства мужчин главной референтной группой остаются другие мужчины и мужские сообщества, принадлежность к которым как бы подтверждает их собственную маскулинность и служит им критерием и этапоном самооценки (Кон 2002).

Быть «нормальным» в прочтении «обычных» молодых мужчин означает быть физически сильным, агрессивным, умеющим дать оппор (словесно и с помощью применения физической силы), а также выглядеть «мужественно». Исходя из этих базовых посылок, я попытаюсь описать габитус «нормальных пацанов».

Быть «нормальным пацаном»

Безусловно, словосочетание «нормальный пацан» пришло из криминальной среды, в свою очередь проникнув туда из тюремного сленга, где слово «пацан» означало молодого неопытного вора или человека, живущего «по понятиям». Поэтому наиболее очевидным источником влияния на габитус «нормальных пацанов» является криминальная субкультура и ее социальные проявления в виде организованных мужских сообществ**. Основываясь на примере ситуации в провинциальных (или малых) городах России, можно

* В ходе пилотажного исследования были взяты глубинные лейтмотивные интервью с 6 юношами и 1 девушкой 18–23 лет, целью которых был сбор нарративов о мужских нормах и образцах поведения, и обнаружение их транскрипций того, что значит быть настоящим мужчиной. Интервью с девушкой имело целью обнаружить те нормы и конструкты, которые, присутствуя в компании, тем не менее, не вербализуются мужчинами в силу своей априорности и интериоризированности. Должна сказать, что этот методологический ход оказался весьма удачным и позволил мне обнаружить новые измерения и проявления мужественности тех, кого называют нормальными пацанами.

** Поэтому в этой части статьи я буду преимущественно описывать габитус группировщиков, гопников (что часто является синонимами) и «дворовых» ребят. Эти три группы в полной мере отражают то, что я подразумеваю под нормальными пацанами, но не исчерпывают все случаи, о которых будет сказано ниже.

утверждать, что многие молодые мужчины попадают под тотальное влияние около-криминальных, неформальных сообществ (группировок) и выработывают особые стратегии (со-)существования в городском пространстве. Таким образом, культура группировок насаждается в ходе повседневных коммуникаций в подростковом возрасте и с помощью насильственных методов. Основной мужского габитуса таких сообществ становятся модели «воинственного», агрессивного поведения, которые можно выразить в формуле: «мужчина должен быть всегда готовым к драке». Соответственно, нужно уметь продемонстрировать эту свою готовность еще до, а может быть, и взамен драки (как поступают, например, самцы в животном мире, демонстрируя противнику свои преимущества и стремясь утратить и запугать его еще до начала физического конфликта). Поэтому в случае с «нормальными пацанами» тело и визуальный код являются теми индикаторами, с помощью которых транслируется и демонстрируется физическая сила, агрессивность и готовность дать отпор. Постигая науку «быть мужчиной», юноши усваивают неформальные правила поведения, стили одежды, а также другие визуальные телесные коды (прическа, походка, манера держаться).

Самым очевидным внешним индикатором силы является тело: рост, вес, а также размеры мышц многое говорят противнику об исходе возможного поединка, поэтому «пацаны» следят за своей физической формой, посещают спортзалы или ищут другие способы наращивания мышц и улучшения своей физической формы: *«Еще хорошую вещь играет само телосложение. Если человек большой, уже побаиваются лезть, уже не трогают. А есть маленький, щупленький, — наоборот, легче докопаться»* (Максим, 22 года).

Спортивная подготовка рассматривается как необходимый этап социализации, позволяющий кроме всего прочего изменить свой статус в группировке или дворовой компании. При этом вид спорта не имеет определяющей роли и не является избранным хобби, здесь значение имеет не процесс, а результат: *«[А вот еще ты сказал, что ты спортом любишь заниматься?] Ну, я как? Вообще постоянно немного так форму поддерживаю, немного занимаюсь. Раньше я айкидо, гимнастикой занимался. Можно сказать, все перепробовал и остановился на бодибилдинге, потому что я считаю, это такой спорт, который как бы, для меня это больше пользы он приносит. Хоккеем занимался, в Спартаке занимался плаванием тоже. Первый раз пошел на кикбоксинг — меня мама сама завела. Я там недолго позанимался, потом бокс. Потом в школе просто штангой... самое главное — это немножко окрепнуть, ну а потом, если более-менее форма будет, то... Это даже не просто чтобы себя защитить. Просто отношение ко мне другое стало. Стали меня люди замечать. Вроде я как бы окреп»* (Саша, 17 лет, бывший член группировки). В группировках новичков сразу отправляют в спортивные секции (кикбоксинг, бокс, карате, тхэквондо, дзюдо), чтобы те научились драться и обрели необходимые для «бойцов» габариты.

К одежде предъявляются следующие требования: она должна быть преимущественно спортивного стиля (спортивный костюм и кроссовки для повседневной носки), цвета выбираются темные и неярких оттенков (тем-

но-синий, черный, серый), модели и фасоны выбираются немодные (в смысле неброские или невычурные), преимущественно те, которые предлагает местный вещевой рынок. Таким образом, одежда и обувь должны быть удобными, комфортными, функциональными, не стеснять движений, не быть марками или дорогостоящими, чтобы не жалко было испачкать или испортить: *«Я в основном, если просто там выбегу погулять, в основном одеваю в спортивную одежду, как сейчас у меня. Чтобы, во-первых, двигаться удобно было, во-вторых, чтобы было много карманов, в-третьих, ...ну мне так нравится, мне нравится вот такая мода, вот такой стиль. Обычно я предпочитаю строгую там одежду, джинсы, туфли, рубашка или толстовка какая-нибудь, свитер там»* (Андрей, 21 год, бывший член группировки).

Из головных уборов «нормальные пацаны» предпочитают вязаные шапки, называемые на их арго «пид..рки» или «ганд...нки». Это облегчающие голову трикотажные черные (или серые) шапки, которые в первом случае плотно облегают голову, надвигаясь практически на глаза, во втором случае — залихватски сдвигаются на самую макушку, так что непонятно, как они держатся, не слетая. Именно эти шапки вызывают насмешки со стороны «продвинутой» молодежи и в то же время являются объединяющим символом для «нормальных пацанов».

Выяснить причины подобной привязанности к этим шапкам, а также объяснить манеру носить «ганд..нки» было непросто, т.к. никто из информантов не смог однозначно интерпретировать свою манеру носить головной убор, но в результате у меня появилось два взаимодополняющих объяснения. С одной стороны, черные, низко надвинутые шапки позволяют скрывать глаза и делают внешность человека незапоминающейся (что очень важно для группировщиков в случае совершения действий), поэтому «пид...рки» для гопников становятся своего рода защитной маской ниндзя. А нападающая толпа, где каждый боец является точной копией товарища, выглядит весьма устрашающе. Еще одна прозаичная причина «любви» гопников к таким шапкам кроется в их массовом появлении на российском рынке в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда, как известно, был пик криминальной активности молодежных группировок, поэтому единственно доступный потребителям товар неожиданно стал значимым субкультурным маркером. Что касается ношения шапок на макушке, то в этом видится еще одно подтверждение небрежного стиля и проявления мужественности: на тридцатиградусном морозе шапка, прикрывающая лишь макушку головы, демонстрирует крепкое здоровье и удаль ее обладателя.

Из последних приобретений консервативного дресс-кода «нормальных пацанов» следует отметить кепки-блины, которые уже были символом «хулиганской» моды в 1960-е гг. и теперь вернулись на головы современных «Квакиных».

В теплое время года «нормальные пацаны» предпочитают ходить с непокрытой головой и носить короткую стрижку. Длинные или даже слишком отросшие волосы категорически не приветствуются и считаются знаком женственности или вычурности. Поэтому вариативность стрижек све-

дена практически к нулю, что не всегда осознается самими юношами: «Обычно все таскают спортивные костюмы и бреются [т.е. коротко стригутся машинкой — И.К.], вот как я. Чтобы за мило было видно. [Вопрос: То есть с длинными волосами не бывает людей?] Ну так, бывают, но они стригутся. Не только же все наголо стригутся, некоторые так стригутся. По любому должно быть где-то сбрито. Был бокс, такие вот, спортивные,... там много стрижек. Я точно все их перечислить не смогу. Да сейчас все стригутся протезов. Мода пошла вот именно от этих привычек наголо стричься, а у них от зевов скорее всего» (Денис, 19 лет, «дворовый» парень).

Из нательных украшений единственно допустимыми являются татуировки, но не те, которые наносят в модных салонах, а те, прообразам и сюжетными вдохновителями которых являются тюремные наколки. Наколки являются текстом, прочитать который может только посвященный. Как известно, тюремные наколки дают полную информацию о судьбе человека и о преступлении, которое он совершил. Поэтому татуировки для украшения не слишком распространены среди группировщиков, но допустимыми являются рисунки, отражающие какую-либо идею, символ, кличку человеку или черты его характера. Остальные нательные знаки вызывают неприятие или даже агрессию: так, в адрес обладателей пирсинга или многочисленных серег в ухе, как и обладателей длинных волос, могут звучать претензии и угрозы. Любые украшения тела воспринимаются «нормальными» как проявление чуждой субкультурной среды: «Ну я, например, вообще не перевариваю вот эти вот хип-хоп там движения, вот которые надевают широкие штаны, там я не знаю, рваные какие-то джинсы. Я вот этого не перевариваю лично. Или когда там пацаны, я не знаю, делают себе разноцветные прически какие-то там, выщипывают себе брови. Я этого вообще не понимаю, вообще никак: там серьги носят, пирсинг. Нет, ну ладно, там бывает еще иногда как-то, может быть, ну пусть даже серьга в ухе, я такого человека ...может быть, и немного буду с ним общаться, но если уж там он действительно будет так вызывающе особо выглядеть, то нет» (Саша, 17 лет, бывший член группировки).

Особое значение придается вербальному коду — знанию и использованию сленга, умению «базарить», жить и говорить «по понятиям». Нельзя сказать, что пацаны обладают каким-то специфическим развитым аргом: многие слова в их лексиконе заимствованы из тюремного сленга или языка дворовой культуры. Чаще общение происходит с помощью общеизвестных слов и формулировок, нередко с использованием матерных слов, которые в случае их умелого использования и сочетания дают говорящему дополнительные преимущества. Мат рассматривается, с одной стороны, как тривиальный язык для общения внутри компании, с другой, как способ вербальной агрессии по отношению к посторонним. В то же время иногда на использование матерных слов налагается табу: это может происходить по инициативе «старшего»* (руководителя группировки) в дисциплинарных це-

* Иерархия группировки подразумевает следующую структуру: «смотрящие» — лидеры организованных преступных группировок, осуществляющие разработку планируе-

лях либо в присутствии девушек (данное правило не относится к девушкам, постоянно тусующимся в группировке, а касается общения в присутствии «подружек»). Кроме мата, табу распространяется на использование отдельных оскорбительных слов, чаще всего означающих гомосексуальные отношения. За подобное оскорбление могут жестоко избить. Также не разрешается оскорблять «старших» или авторитетов, в противном случае не обидчика налагаются различные повинности.

Сексуальность и сексуальные отношения также нередко подвергаются контролю со стороны «старших» или вписываются в систему общих нормативных правил. Гомосексуальный опыт связывается с тюремными практиками сексуального насилия и унижения, поэтому на «воле» не допустим. В то же время сексуальные отношения с женщинами поощряются и являются одним из показателей «степени мужественности»: чем больше у тебя женщин, тем ты «круче». Иногда сексуальный дебют происходит с разрешения и под руководством «старших» из группировки и поэтому носит ритуальный характер инициации, объединяющей молодых группировщиков. Для этого чаще всего приглашают дешевую проститутку, с которой все «молодые» по очереди «становятся мужчинами»*. В то же время, у не-группировщиков отношения с девушками носят более консервативный характер, и более желательными и одобряемыми являются отношения с единственной избранницей.

Большое значение для завершенности угрожающего мужественного облика имеет походка и манера держаться. Так, походка должна быть размеренной, ни в коем случае не быстрой или суетливой, лучше всего идти вразвалочку, засунув руки в карманы куртки, а ноги должны создавать иллюзию «перекачанных мышц». В целом походкой нужно производить эффект «качка», который, благодаря широким движениям мускулистых ног и неторопливым покачиваниям корпуса из стороны в сторону, занимает половину улицы.

Во время «сборов» (встреч группировщиков для обсуждения деловых вопросов) есть определенное предписание сидеть на корточках (чем отдается дань тюремной субкультуре). Кроме того, иногда подобная поза является единственно возможной, т.к. лавочки у подъездов, где происходит встречи, заняты или вовсе отсутствуют, впрочем, как и места для сиденья в подъездах домов, где «пацаны» собираются во время непогоды или холодов.

мых акций и контроль над своим районом, «старшие» — наиболее опытные члены группировок, которые не участвуют в «грязных» делах сами, а лишь раздают задания; «младшие» — новички, которые осуществляют основную криминальную работу; «сопли» — школьники, которые поддерживают отношения с группировщиками и «притусовываются» к ним.

* Подобная практика более характерна для периода «расцвета» группировок, сейчас же она не является общим правилом и иницируется «старшими», решившими, что это будет способствовать сплочению мужского союза и развитию «мужских качеств» у его членов.

В целом во внешнем облике, а также в поведении и общении «нормальных пацанов» приветствуется брутальность, простота, физическая сила, отсутствие любой эстетичности, гламурности, вычурности и женственности.

Многие из этих правил и практик заимствуются из тюремной субкультуры и опыта общения с представителями криминальных структур. Немаловажную роль при этом играет романтизация и легитимизация образов «бандитов»*, транслируемых СМИ. В частности, фильмы «Бумер», «Бригада», «Брат» пользуются огромной популярностью у многих подростков, социализирующихся в основном во дворе, и именно там усваивающих первые образцы мужественности, а их герои приобретают статус культовых. По словам одного информанта: «*Быть Сашей Белым* [герой сериала «Бригада» — И.К.] — предел мечтаний для группировщиков».

В то же время, криминальная среда — не единственный, и иногда не главный источник влияния на габитус молодых мужчин. К значимым институтам социализации относятся спортивные секции и кружки (хотя уже не в той степени, что в позднесоветский период): атлетическое телосложение по-прежнему является для многих, пусть и не входящих в группировки, юношей частью социального капитала. Отдельно выделяется дворовая культура, которая не обязательно связана с криминальными практиками. Для нее характерны многие элементы деревенского быта, т.к. собрания во дворах для многих являются памятью о деревенских посиделках или встречах-беседах с соседями на улице. И хотя немногие из живущих в городах юношей являются мигрантами в первом поколении (хотя среди учащихся профессиональных училищ, средних специальных и высших учебных заведений их достаточно), привычка их родителей становится их собственной привычкой. Кроме того, во дворе можно сидеть и общаться, не опасаясь ушей и глаз старших родственников. А в условиях малометражных квартир и отсутствия достаточных средств на посещение развлекательных заведений двор становится для многих 13-20-летних пацанов единственным местом досуга и, соответственно, самой значимой средой их гендерной социализации.

Отметим также, что дворовые пацаны, в отличие от криминальных авторитетов, — первые кандидаты в ряды вооруженных сил. Для «нормального пацана» армия — ожидаемый и вполне привлекательный жизненный эпизод. Во-первых, иногда это единственная возможность посмотреть мир за пределами своего городка (а возможно, и окончательно изменить свой статус), во-вторых, это институт, который необходимо пройти «настоящему мужчине», в-третьих, армия позволяет избежать многих неприятностей, например, затянувшихся конфликтов с группировщиками, а, кроме того, это вполне очевидный шанс улучшить свою физическую подготовку. И, наконец, служба в армии является необходимым элементом представлений о патриотизме дворовых ребят. Многие из них стремятся после армии связать

* Слово «бандит» сейчас используется СМИ вместо общеупотребительного «преступник», т.к. снимает негативную смысловую нагрузку и привносит дополнительную коннотацию «благородства», по аналогии с образами «благородных» разбойников — Робин Гуда, пиратов и т.д.

свою последующую жизнь с военным поприщем: пойти служить по контракту, наняться в охранный предпринимательский бизнес, поступить в казацкое войско и т.д.

Говоря об источниках влияния на габитус «нормальных пацанов», нельзя не упомянуть о продуктах массовой культуры, откуда часто черпаются образцы для подражания. Преимущественно ими становятся герои российских и американских боевиков. Крепкие мускулистые парни, сражающиеся за справедливость, наказывающие зло и завоевывающие красивых женщин, становятся культовыми фигурами, глядящими с постеров, развешенных на стенах, а их манеры и «убойные словечки» становятся частью российского мужского габитуса.

Вариативность «нормальной мужественности»

Несмотря на целостный образ, нарисованный мной в предыдущей части, при ближайшем рассмотрении и анализе интервью и визуальных наблюдений «нормальные пацаны» оказались не единым стилевым конструктом, а многозначным названием, относящимся к совершенно разным по ценностным, стилевым и поведенческим проявлениям людям. В ходе анализа мной были выделены наиболее типичные случаи называния кого-нибудь (и себя в том числе) «нормальным пацаном». Итак, термин «нормальный пацан» использовался информантами в следующих ситуациях:

- 1) когда речь шла о члене криминальной молодежной группировки;
 - 2) когда речь шла о человеке, хорошо знающем правила группировок, но не участвующем в ее жизни;
 - 3) в качестве антонима понятию «отморозок», а нередко как обозначение не-группировщика;
 - 4) в качестве антонима понятию «лох»;
 - 5) для описания человека, живущего «по понятиям».
- Остановимся на каждом сценарии подробнее.

1. «Нормальный пацан» как член криминальной молодежной группировки

На языке информантов подобные объединения называются бригадами, коллективами. Не останавливаясь подробнее на структуре и характере деятельности этих групп, следует отметить их отдельные особенности, существенные для нашего исследования и влияющие на формирование габитуса «нормальных пацанов». В первую очередь нужно сказать, что группировки — это мужские сообщества с жесткой иерархической структурой, регламентированными правилами входа и выхода, системой контроля за соблюдением общих правил, и, соответственно, системой карающих мероприятий и санкций. Нормой в таких сообществах становится консервативная, доминирующая маскулинность, предусматривающая образ сильного, смелого мужчины, живущего в соответствии с определенным кодексом поведения. Обязанностью пацана в группировке является участие в общих криминальных действиях (нападениях, грабежах, разбоях, драках и убийствах), стремление контролировать и охранять свою «подопечную» территорию (район проживания или квартал, образующий двор), соблюдение правил групповой солидарности, взаимовыручка и подчинение старшим по иерархии.

Слово «пацан» (чаще без прилагательного «нормальный») используется как синоним для обозначения члена группировки. В данном случае пацан — это своего рода звание, которое нужно заслужить, т.к. именоваться пацаном может не каждый, а лишь тот, в отношении кого другие употребляют это слово. Поэтому в данном случае имеет место сложный синтез самоотнесения и маркирования со стороны значимых других. Право именоваться пацаном налагает определенные обязанности, но и дает очевидные преимущества в виде права на защиту со стороны своей группировки, и своего рода иммунитет при встрече с представителями враждебной группировки. Например, информанты приводят следующую ситуацию, где право называться пацаном гарантирует неприкосновенность: *«Ну то есть, если вдруг какой-то разговор зашел между, например, врагами там, да, или например, между группировщиком и негруппировщиком, или между двумя группировщиками, допустим. Просто любая стычка... И начинают гонять: — Ты кто такой там? — Я пацан. — Ты откуда? — Я со Связи. — На кого работаешь? — На того-то [называется имя]. Вот так вот»* (Саша, 17 лет, бывший член группировки).

Но при этом называние себя пацаном без знания остальных обязательных составляющих (названия группировки, фамилии и клички «старшего») ничего не дает, а наоборот, может привести к физической расправе, если вдруг выяснится, что никакого отношения к деятельности группировки человек не имеет.

В целом, можно отметить, что мужские сообщества в виде группировок или дворовых компаний формируют общегрупповой габитус, частью которого становится унифицированный строгий дресс-код и жесткий моральный кодекс. Соблюдение первого и второго дают право именоваться не просто пацаном, но «нормальным пацаном», что означает помимо всего прочего уважение и признание человека группировкой.

2. «Нормальный пацан» — не «отморозок»

С другой стороны, нередко термин «нормальный пацан» означает определенное положение в иерархии группировки и определенный характер действий. В таком случае это понятие включает противопоставление слову «отморозок». «Отморозки» определяются как люди «безбашенные», т.е. непредсказуемые, не контролируемые свое поведение (в первую очередь агрессию), люди, не признающие авторитетов и правил и поэтому нередко нарушающие предписанные нормы, за чем обычно следуют санкции (побои, унижения, денежные штрафы). Нередко «отморозками» называют новичков в группировке, которые, чтобы заслужить внимание и похвалу «старших» (а иногда просто без причины, давая выход подростковой агрессии) совершают отважные и дерзкие поступки, например, совершают разбойное нападение без приказа «старшего», избивают без причины представителя враждебной группировки, грабят машину «важного» человека: *«Есть нормальные пацаны, а есть отморозки. Отморозки — это которые просто..., ну они вот просто пойдут на улицу, подерутся с кем угодно и все. Вот у нас пацан там один. Вот и он из себя*

строит, там не знаю кого, пуп земли там. Он говорит много чего, но ни за что не отвечает» (Вера, 19 лет, подруга группировщика). В отличие от них, «сопляки» или «молодняк» совершают те же ошибки не специально, а по незнанию. Они также выполняют опасные задания (достаают деньги для «старших», дерутся на разборках, запугивают местных жителей или подкарауливают должников) и иногда «прокальваются». Иногда, чтобы выслужиться, они проявляют слишком много собственной инициативы и попадают в неприятные ситуации: *«Они просто выполняют какие-то там обязанности мелкие, а так они в основном отжимают телефоны там, понтуются ходят — вот это вот, потом получают же за это. Но все равно, если бы они были нормальными пацанами, они бы так не делали. Даже если бы отжали телефон, но они могут за это получить и потом опять же это делать. Ну разве так делает умный человек?»* (Денис, 19 лет, «дворовый» парень).

В любом случае, действия как первых, так и вторых, совершенные с нарушением правил и без одобрения «старшего», вызывают общее недовольство и возмущение, за которыми следуют карательные санкции. Поэтому в данном контексте употребление словосочетания «нормальный пацан» используется для маркирования человека взрослого, знающего и соблюдающего правила группировки и ответственного за свое поведение.

3. «Нормальный пацан» — «знать, но не участвовать»

Второй вариант общения с группировщиками менее болезненный, но более трудный: можно избежать вербовки в бригаду и просто поддерживать хорошие отношения с «нужными людьми» (лично знать «старших», иметь друзей, одноклассников или родственников среди членов группировки), нужно хотя бы знать их в лицо, здороваться, периодически перекидываться несколькими словами. В данном случае важно быть/казаться «нормальным пацаном» в глазах группировщиков: *«Вот чем я занимаюсь — я собираю знакомых. У меня очень много знакомых, поэтому мне там [при встрече с гопниками — И.К.] ничё не будет совершенно. Просто как? — знать как бы всех в основном, но не влезать в дела. Вот поэтому я отрицательно отношусь, я с ними совершенно не дружу, я могу сказать в лицо, что я не считаю идеи ихние правильными, но знакомым быть и здороваться я с ними должен. То есть не должен, но для меня...я хочу это делать, чтобы меня считали нормальным пацаном и не трогали»* (Миша, 19 лет, бывший скинхед).

Нередко отказаться или избежать вербовки бывает крайне трудно (особенно это характерно для районов или дворов, где большинство сверстников знакомы с детства, поэтому каждый «боец» группировки присматривается заранее), тогда «правильное» поведение и твердый отказ от участия в деятельности группировки заслуживают уважение и находят понимание со стороны членов «бригады». Поэтому «нормальным» для них становится и тот человек, кто проявил твердость духа, верность своим принципам, отказавшись от участия в криминальных практиках, но при этом не нарушил важных принципов существования криминального комьюнити. Иногда в качестве «откупной» нужно дать физический отпор, чтобы подтвердить не-

поколебимость своего отказа быть в группировке, и после этой «инициации» (иногда многократной) ты заслужишь уважение и получишь свободу: *«Это с первого раза не у всех получается, всех избивают. И меня тоже так же первый раз избивали. Неправильно выразился, и избивают сразу. Бьют толпами сразу же. По одному там не пытаешься даже драться. Одна мысль только в голове пролетает, чтобы ну не убили и все, и не покалечили. Сразу зажимаешься, закрываешься. Если успеешь, можешь в отмах встать сразу же. В отмах встать, то есть сдачу дать. Но они могут к тебе больше уже и не подойти, если ты встанешь в отмах. Пусть поймут, что правильные пацан, и все, они больше не подходят, а если в отмах не встал, они так и будут бить и докапываться. И со мной то же самое было, тоже первые несколько раз в отмах не встал. Просто ко мне старшие знакомые подходят, ну ты, говорят, давай в отмах вставай, не вечно же тебя мы будем вытаскивать. Пришлось в отмах пару раз встать, больше сейчас никто не трогает»* (Денис, 19 лет, дворовый парень).

Своего рода «вольную» группировщики могут дать тому, кто уже добился чего-то на другом поприще и по этой причине не может изменить свой стиль жизни. Например, юноши-музыканты: им «положено» носить длинные волосы, высокие ботинки, нетипичную для большинства одежду, поэтому нередко группировщики воспринимают их как «неприкосновенных» представителей другой культуры, но взамен требуют от них демонстрации музыкальных навыков, что чаще всего бывает в форме просьбы исполнить ту или другую полюбившуюся группировщикам песню: *«Такое обычно было: сыграй эту песню, сыграй другую, или обычно просили именно ту, которую я не знал. Даже приходилось потом себя насиловать и заставлять выучить эту песню. — Ты знаешь, что все равно ее потом придется играть»* (Саша, 17 лет, бывший член группировки). Но пойти на эту унижительную процедуру хотят не все. Большинство юношей-музыкантов создают свой критерий мужественности, который заключается в противопоставлении себя (как представителя «продвинутой» стратегии) требованиям гопников. И боевые шрамы и ранения, полученные в неравных битвах с толпой группировщиков, являются демонстрацией неоспоримой мужественности его носителя и верности своим принципам.

Для многих не-группировщиков «нормальными пацанами» оказываются те, кто не участвует в деятельности группировок и не одобряет подобных действий.

4. «Нормальный пацан» — значит не «лох»

Лох — одно из самых обидных и оскорбительных понятий в современном молодежном сленге, при этом оно имеет межстилевой характер и используется как «продвинутыми», так и «нормальными» юношами и девушками. Но в разных культурных группах оно имеет разные смысловые оттенки. Так, в языке «нормальных» оно означает человека физически и психологически слабого, забитого, не участвующего в общих распространенных практиках, не знающего общепринятых (обязательных) правил коммуни-

кации. Поэтому термин «нормальный пацан» становится антонимом слову «лох»: *«Главное — не быть лохом, уметь за себя постоять. Нормальный пацан — это человек без слабинки»* (Денис, 19 лет, дворовый парень).

Кроме того, лохами называют людей, не знающих общих правил, норм, а также «понятий» и формул разговора. Поэтому их нередко не бьют, а «разводят» или «грузят базаром», т.е. дают психологически, заставляют совершить ошибку (например, оскорбить или неправильно ответить на «канонический» вопрос), и тогда в качестве расплаты требуют у них деньги. Лох — это синоним человека, не вызывающего уважения, поэтому «нормальный пацан» должен избегать таких ситуаций, в которых он может выглядеть и повести себя как лох.

5. «Нормальный пацан» — человек, живущий «по понятиям»

«Понятия» — это правила жизни членов криминальных сообществ. «Жить по понятиям» означает иметь поддержку среди одной из местных группировок и оказывать поддержку по первой просьбе своих товарищей. Это негласное мужское соглашение, предусматривающее обязательное участие в некоторых групповых практиках, поддержание «мужской солидарности» (через приоритет мужской дружбы и общих дел перед личной жизнью), уважительное отношение к «старшим» (имеются в виду как авторитетные члены группировки, так и просто пожилые люди). Кроме того, понятия — это знание законов криминального (нередко тюремного) мира и их соблюдение. Примечательно, что «понятия» очень близки к тому, что называется «джентльменским кодексом»: умение держать свое слово, умение вести беседу, выдержка, хладнокровие, гордость, которая отражается в правиле: «Никогда не объясняй, никогда не жалуйся».

С другой стороны, «понятия» — это умение «базарить», т.е. вести беседу, в ходе которой необходимо сочетать канонические лингвистические формулы (обязательный порядок фраз — вопросов и ответов) с хитростью и вниманием (чтобы тебя не «поймали на слове»). Это умение договориться, продемонстрировав свою компетентность (о заключении сделки, разрешении спорного или конфликтного вопроса и т.д.). Это умение держаться с достоинством, но не провоцировать противника грубостью и невыдержанностью: *«По понятиям? Ну там слова просто идут, выражения. ...если к тебе кто-то подходит и говорит: «Кто такой? Откуда?». Ты ему говоришь, я вот такой-то, откуда. Они спрашивают: «У тебя есть поддержка, где лазишь, работаешь?». Если ты с кем-то работаешь, они могут еще спросить, чем вы именно занимаетесь. Но там уже, как мне говорили, лучше не говорить, а сразу бить в морду. Мне это все объясняет, вталдычивает один знакомый, чтобы я смог за себя стоять. Я вот больно этого сам-то не понимаю. Ну, так в понятиях немного разбираюсь. Я знаю, что можно, что нельзя. ...Дерзко нельзя отвечать. Ответишь дерзко и все, считай не жилец, сразу бить начнут. Просто стоять спокойно, не нервничать, смотреть ему прямо в глаза. И он сам начнет нервничать. Он начнет сразу убирать глаза, и ты тогда можешь уже начинать его брать на понт. Сначала он до тебя докапывается, а потом уже меня-*

етесь местами просто. Потом уже ты до него начинаешь до..бываться. Давить его словами просто» (Денис, 19 лет, дворовый парень).

Надо отметить, что, по словам информантов, умение «базарить по понятиям» становится более действенным методом вести дела, чем разборки с применением оружия. Поэтому теперь ценятся не физическая сила, а хитрость, изворотливость, умение «поймать» собеседника на слове или оказывать на него психологическое и вербальное давление.

Важными при анализе этих пяти конструктов «нормального пацана» становятся: во-первых, позиция самого субъекта — является или нет он членом группировки или дворовой компании, а во-вторых, его собственные стилевые и ценностные установки, его культурный бэкграунд. При этом в этот лексический конструкт в разных ситуациях будет вкладываться разное содержание. Так, в компании гопников так скорее назовут «своего» товарища, который будет демонстрировать образцовое исполнение общегрупповых норм. А в субкультурной компании «нормальным пацаном» назовут того, кто полностью далек от гопнической среды. Поэтому основным моментом при использовании этого конструкта являются именно общегрупповые представления о нормальном и ненормальном поведении мужчины, о допустимых границах, о коллективных нормах и правилах.

Заключение

Итак, «нормальный пацан» — широко распространенный конструкт маскулинности в молодежной среде, сочетающий в себе как физические, так и психологические и культурные характеристики. Он довольно близок к габитусу группировщиков и гопников, но в то же время может использоваться и в отношении юношей из других милье. Быть физически сильным и обладать атлетическим телосложением желательно, но не обязательно. Тело можно «приукрасить» с помощью одежды, походки, манеры держаться. В то же время «нормальный пацан» — эталон консервативной мужественности, охватывающий как субкультуру гопников и группировщиков, так и противодействующий криминальным практикам (отличие заключается в субъекте). Поэтому, чтобы быть нормальным пацаном, не обязательно заниматься противозаконной деятельностью, главное — суметь аргументировать свою позицию и «правильно» спозиционировать себя с учетом нормативных стилевых и гендерных характеристик. «Нормальность» является средним «типическим» вариантом проявления мужественности, т.к. ориентация на этот тип поведения, с одной стороны, легитимирует превосходство интеллекта и находчивости перед грубой физической силой, с другой — дает каждому юноше шанс занять достойное место в мужском сообществе, выбрав наиболее приемлемый стиль поведения.

В случае с мужественностью нормальных пацанов, мужские качества нередко проявляются, демонстрируются через действия, практику. Не только облик, но и *места тусовок, практики, слова, аргументация* делают мужчину мужчиной. И «мускулистая маскулинность» уступает место маскулинности перформативной.

Как замечает Н. МакДоналд, исследовали редко учитывают, что для юношей гораздо важнее быть **храбрым**, а не сильным и **проворным/сообразительным**, а не быстрым (MacDonald 2001). Результаты проведенного мной исследования полностью подтверждают этот тезис. И, несмотря на кажущиеся преимущества и культ физической силы, на практике хитрость, ум и изобретательность часто оказываются более важными характеристиками для взаимодействия с окружением. Маскулинность оказывается зыбким ситуативным конструктом, зависящим от объекта. И демонстрировать свою мужественность можно не только через традиционно мужские практики (насилие, драки, отвага, мышцы), но и через интеллект, умение быть на высоте в беседе, культурные ресурсы или иные личные достижения. Главное — это суметь конвертировать свои навыки в культурный капитал, который может быть продемонстрирован через призму своей маскулинности. Например, юноша-музыкант, имеющий высокие шансы быть маргинализированным гопником в данной среде габитуса. Он может просто изменить манеру разговаривать или походку, или знать несколько песен, являющихся частью другой для него среды, — и это обеспечит ему если не уважение, то, по крайней мере, понимание его сценария маскулинности. Получение статуса «нормального пацана» многим юношам позволяет занять приличное место в маскулинной иерархии, т.к. быть «нормальным» — автоматически означает занимать позицию гегемонной маскулинности.

Использование конструкта «нормальный пацан» — это своего рода коллективный договор, позволяющий регулировать представления и проявления маскулинности в определенной среде. Поэтому реализация данного конструкта возможна лишь перед зрителями, причем только перед определенными зрителями — теми, кто адекватно прочтет обращенные им послания и адекватно на них отреагирует, поддержав коллективные представления. Зная эту театральность и условность, многие юноши принимают правила игры, переодеваясь или разыгрывая «нормального пацана» перед аудиторией, ждущей именно этой роли. И самым полезным знанием может стать понимание того, что маскулинность — это всего лишь игра перед зрителями.

Литература

Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендерные исследования. 2006. № 14.

Брандес Х. Держаться прямо: о мужском габитусе. http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/brandes/derj_pr.html (источник проверен 2.01.2006)

Бурдьё П. Практический смысл. Пер. с фр./ Ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

Бурдьё П. Мужское господство. <http://bourdieu.name/files/domination.pdf> (источник проверен 2.01.2006)

Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., М.: Летний сад, 2002.

Кон И. Гомосексуальность и гомосексуальность. О природе мужского общения. http://sexology.narod.ru/publ021_2.html, 2002 (источник проверен 2.01.2006)

Кон И. Мужское тело в истории культуры. М.: Изд-во «Слово», 2003.

Суспицина Т. Об учителе, муже и чине: (ре)конструкция маскулинностей мужчин — работников средней школы // О муже(N)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Пилкингтон Х. «Продвинутые» и «обычные» стратегии глокальной жизни // Глядя на запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетейа, 2004.

Ушакин С. «Человек рода он»: знаки отсутствия // О муже(N)ственности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: НЛО, 2002.

Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под. ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000.

Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990.

Connell R. Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995.

Ganetz H. The Shop, the Home and Femininity as a Masquerade // Youth culture in the late modernity. SAGE, 1994.

Goffman E. Studies of anthropology of visual communication. London: Routledge, 1976.

Brandes H. Der maennliche Habitus. Band 1. Maenner unter sich, Maennergruppen und maennliche Identitaeten. Opladen: Leske+Budrich, 2001.

MacDonald N. The graffiti subculture: youth, masculinity, and identity in London and New York. Basingstoke; New York: Palgrave, 2001.